

Сладостные печали

Есть три тропы. Это одна из них.

Глубоко под землей, спрятанное от Солнца и Луны, на берегах Беззвездного моря кроется лабиринту подобное сплетение туннелей и комнат, доверху заполненных всяческими историями. Истории внесены в книги, закупорены в стеклянные банки, ими разрисованы стены. Поэмы начертаны на коже и впечатаны в розовые лепестки. Сказки выложены напольной плиткой, сюжеты отчасти стерты, вытоптаны ногами. Легенды вырезаны по хрусталу и подвесками украшают светильники. Были и небыли внесены в каталог, им обеспечены долговечность и уважение. Мифы бережно сохраняются, в то время как меж них взрастают свежие перепевы.

Место это, обширно раскинувшееся, в то же время изящно и удобно устроено. Затруднительно оценить его площадь. Коридоры приводят в залы и галереи, а лестницы свинчиваются то вниз, то вверх, в альковы и аркады. Всюду двери, которые куда-то ведут, в иные пространства, к другим историям, к новым тайнам, которые предстоит раскрыть... и всюду книги.

Это святилище для тех, кто истории рассказывает, кто истории сохраняет, кто истории любит. Они едят, спят и видят сны, окруженные хрониками, летописями, сказаниями. Некоторые остаются на несколько часов или дней, а потом возвращаются в верхний мир, но другие застревают на недели

или даже года, делят жилище с кем-нибудь либо живут отдельно, время свое проводят за чтением, исследованиями, писательством, дискутируют, работают в сотрудничестве и поодиночке.

Немногие из тех, кто остался, решаются посвятить себя этому раю для книгочеев.

Есть три тропы. Это одна из них.

Это тропа служителей.

Тот, кто надумал выбрать эту тропу, прежде чем связать себя обязательствами, должен полный лунный цикл провести в одиночестве. Почему-то считается, что испытание это подразумевает молчание, но некоторым из тех, кто согласился, чтобы его заперли в каменной келье, случается догадаться, что никто их там не услышит. Можно говорить, стонать и вопить, и это не нарушит никаких правил. Полагают, что в испытание входит молчание, только те, кто никогда не сидел в такой келье.

Когда испытание пройдено, они вправе отказаться от этой тропы. Выбрать другую или вообще никакой.

Те, кто пробыв там, промолчав весь срок, часто предпочитают и сойти с тропы, и совсем оттуда убраться. Они возвращаются на поверхность. Щурятся, глядя на солнце. Иногда вспоминают тот, нижний, мир, которому когда-то думали себя посвятить, но воспоминание подергивается дымкой тумана, подобно тем местностям, что грезятся нам во сне.

Чаще как раз те, кто кричит, и плачет, и воеет, те, кто часами с собой разговаривает, вот они готовы, когда время придет, принять посвящение.

Сегодня, поскольку луна новенькая, а дверь отомкнута, из нее выходит молодая женщина, которая большую часть заточения провела, распевая. Она по природе робка, и распевать не входит в ее обычай, но в первую свою ночь в изоляции почти ненароком она поняла, что никто ее не слышит. Вышло так, что она рассмеялась, отчасти над собой, отчасти над тем, что по собственной воле заключила себя в самую комфортабельную из тюрем, с пуховой периной и шелковы-

ми простынями. Эхо прокатило смех по каменной комнате, как рябь по воде.

Зажав рукой рот, она стала ждать, что сейчас к ней войдут, но никто не вошел. Она постаралась вспомнить, в самом ли деле ей говорили, что непременно нужно молчать.

“Послушайте!” — позвала она, и откликнулось на ее зов только эхо.

Прошло несколько дней, прежде чем она решилась запеть. Прежде ей никогда не нравилось, как звучит ее голос, когда она поет, однако ж в одиночестве, где стесняться некого и никого не разочаруешь, она запела — сначала тихонечко, а потом громко и смело. Голос, который возвращало ей эхо, показался приятным на удивление.

Она перепела все песни, какие знала. Стала сочинять собственные. Если нужное слово не приходило, вставляла придуманное, бессмысленное, но зато отрадное на слух.

Даже удивительно, как быстро прошло время.

А теперь дверь открывается.

Служитель, который в нее вошел, в одной руке держит связку медных ключей. Другую, ладонью вверх, он протягивает женщине. На ладони маленький металлический диск с выпуклым изображением пчелы.

Принять пчелу означает сделать следующий шаг к тому, чтобы стать служительницей. Для нее это последний шанс отказаться.

Она берет пчелу с ладони служителя. Он кланяется и жестом приглашает ее следовать за ним.

Молодая женщина, которой предстоит стать служительницей, вертит в пальцах согретый ее теплом металлический диск, меж тем как они идут по узким, освещенным свечами туннелям, с двух сторон обрамленным книжными полками, с открытыми нишами, в которых тесно разномастным столам и стульям, а по стенам до потолка — стеллажи, набитые книгами, и статуи. Она гладит, проходя мимо, бронзовую лису, так делают многие, и поэтому резной мех между ушами зверька стерся до гладкости.

Пожилой человек, который листает книгу, поднимает на них глаза и, осознав, что за процессия перед ним, прижимает к губам два пальца и приветствует ее, наклонив голову.

Он приветствует ее, не служителя, за которым она идет. Это жест уважения к положению, которого она официально еще не заняла. Она тоже склоняет голову, скрывая улыбку. Они спускаются по золоченой лестнице, идут по извилистым коридорам, где прежде ей бывать не случалось. Она замедляет шаг, чтобы рассмотреть картины, которые висят между книжными полками. На картинах деревья, девушки, духи и тени.

Служитель останавливается перед дверью, украшенной золотистой пчелой. Выбирает на связке ключ, отворяет дверь.

Посвящение начинается.

Это тайная церемония. Подробности известны только тем, кто прошел посвящение, и тем, кто его проводит. Проводится оно всегда одинаково, с незапамятных пор.

Как только дверь отворяется и они переступают порог, служитель отбирает у нее имя. Каким бы именем эта женщина ни звалась прежде, больше к ней никто так не обратится, имя осталось в прошлом. Когда-нибудь ей, возможно, дадут новое, но в этот момент она безымянна.

Комната маленькая, круглая, с высоким потолком, уменьшенная копия кельи, в которой она прошла испытание. По одну сторону поставлен простой деревянный стул, напротив каменный столб в половину человеческого роста, а на нем чаша, в которой пылает огонь.

Других источников света нет.

Пожилой служитель жестом просит женщину занять стул. Она садится. Лицом к огню, она смотрит, как пляшут язычки пламени, пока ей куском черного шелка не завязывают глаза.

Церемонию она проходит вслепую.

Диск с пчелой забирают у нее из рук. Следует пауза, потом клацают металлические инструменты, потом точечное ощущение пальца, нажимающего ей на грудь. Потом нажим отступает — и взрывается острая, жгучая боль.

(Позже она поймет, что металлический диск раскалили и выжгли ей на груди крылатое клеймо пчелки.)

Это так неожиданно, что она теряет присутствие духа. Она настраивала себя на то, что знала о церемонии, но тут ее застали врасплох. Она вспоминает, что никогда не видела без одежды груди другого служителя.

Если за мгновение до того она чувствовала себя ко всему готовой, то теперь она в замешательстве и потрясена.

Но она не говорит: “Прекратите”. Она не говорит: “Нет”.

Она сделала выбор, приняла решение, пусть и не зная, что это решение за собой повлечет.

Она не видит, чьи пальцы раздвигают ей губы и вливают каплю меда ей на язык.

Это для того, чтобы у нее осталось ощущение сладости от случившегося.

Но на деле во рту остается совсем не только вкус меда: сладость подмешана в кровь, жгучий металл, горелое мясо.

Если б служители могли потом это описать, они разъяснили бы, что последний вкус, который они ощутили на посвящении, состоял из меда и гари.

То есть не вполне сладость, отнюдь.

Они переживают это всякий раз, когда им случается гасить восковую свечу.

Это напоминание об их самоотверженности.

Но рассказать об этом они не могут.

Они отреклись от своих языков. Добровольно. Отказались от способности говорить, чтобы лучше служить чужим голосам.

Из глубокого уважения к тем, кто был раньше, и тем, кто придет потом, приняли бессловесный обет не рассказывать больше своих историй.

Испытывая приправленную медом боль, молодая женщина, которая сидит на стуле, думает, что сейчас закричит, но не делает этого. В ослеплении ей кажется, что огонь вот-вот охватит всю комнату, и, хотя глаза ее завязаны, она видит пламя и в пламени — призраков.

Пчелка на ее груди трепещет крылышками.

Как только ее язык изъят, сожжен и обращен в пепел, как только церемония завершена и она приступает к служению официально, как только голос ее замолкает, просыпаются ее уши.

И тут она начинает слышать истории.